

Е. Б. Долгов

ПЕТРОВСКИЙ ВЕТЕРАН СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ ГРЕКОВ ВО ГЛАВЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В последние десятилетия понимание значительной роли регионов нашей страны стало одной из причин обращения к истории местного управления и биографиям видных деятелей губернской администрации. Главные представители административно-го аппарата играли чрезвычайно важную роль во всей жизни российской провинции и одновременно являлись частью высшего слоя имперской бюрократии.

Дворянский род Грековых получил известность с начала XVI столетия. Он принадлежал к московской нетитулованной группе служилого сословия¹. Степан родился в 1679 г.² (по другим данным, в 1680 или 1684 г.³), вероятно в столице, в семье московского дворянина Тимофея Ивановича Грекова (ум. в 1710 г.) и являлся его младшим сыном (имел еще трех братьев)⁴. Получив домашнее воспитание, наш герой начал службу с 1698 г. «в жильцах». «Петровскому дворянину, – писал академик М. М. Богословский, – надолго приходилось расставаться с родными полями и рощами, среди которых протекало его детство и о которых он мог хранить только смутное представление к тому времени, когда, устарев и одряхлев, он получал отставку. В 1727 г. некий бригадир... доносил сенату, что в своем поместье он не бывал с 1700 г., т. е. целые 27 лет»⁵. Приведем теперь мнение современного исследователя Е. В. Анисимова по этому вопросу: «Образование при Петре I шляхетства как особого сословия не изменило сущности прежней службы, которую исполняли служилые люди в прошлые века. Более того, с образованием регулярной армии, „правильного“ бюрократического государства служба становилась все труднее, требования к ее исполнению – все строже, а наказания за провинности – все суровее. <...> При Петре I служба дворянина, оставаясь поголовной, пожизненной и обязательной, стала еще и регулярной, постоянной. Она вынуждала его надолго... покидать свое поместье. К тому же эта служба стала требовать серьезной профессиональной подготовки, исполнительности, самоотверженности и дисциплины...»⁶

Итак, в 1698–1700 гг. С. Т. Греков являлся жильцом, в 1700 г. «из житья» взят в солдаты в «генеральство» А. М. Головина, когда в ходе начавшихся военных реформ Петра Великого были ликвидированы служебные разряды в «чинах московских» и молодые дворяне вошли в состав полков «нового строя». Пройдя курс военной подготовки под контролем гвардейского сержанта Д. Карпова, в том же году Степан был зачислен прапорщиком в полк И. Бильса и принял боевое крещение «при атаке и при баталии Нарвской»⁷. С. Т. Греков участвовал в основных кампаниях Северной войны 1700–1721 гг., «был во многих воинских походах и потребах, при атаках и баталиях»⁸: в 1701 г.

в сражениях при Каканаусе и под Ригой; в 1702 г. отличился при захвате Нотебурга, за что генерал-фельдмаршалом графом Б. П. Шереметевым пожалован в поручики, «написан» в полк Т. Юнгера и оставлен нести гарнизонную службу в Шлиссельбургской крепости; в 1703 г. принял участие в штурме Ниеншпанца (Канец), в 1707 и 1709 гг. – «при атаке и при взятии» Выборга, причем за отличие в овладении городом по распоряжению генерал-фельдмаршала князя А. Д. Меншикова получил чин капитана и в 1710 г. был переведен в Ингерманландский пехотный полк. В 1711 г. Степан Тимофеевич участвовал в Прутском походе и за героизм в бою стал майором. В 1712–1713 гг. в составе корпуса А. Д. Меншикова он воевал в Померании, в том числе брал штурмом Тоннинген (Теннинг) и Штеттин. С. Т. Греков оказался активным участником в Гангутском морском сражении в 1714 г., в регулярных набегах на шведские города и местечки (например, в боевой операции при Норкопинге) «в команде» генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина и генерала, будущего фельдмаршала, князя М. М. Голицына в 1715–1719 гг.⁹, а после окончания «Свейской войны» – в Персидском походе 1722–1723 гг.¹⁰ За свои подвиги Степан Тимофеевич в 1721 г. становится подполковником, а 24 мая 1726 г. – полковником Шлиссельбургского пехотного полка¹¹. В те «годы огненные» он женился на Федосье Михайловне, у него родились три сына и три дочери¹².

Непрерывные войны, которые вел Петр I, подорвали экономику государства. Уже через три года после смерти преобразователя России возникает множество проблем: нет средств платить жалованье офицерам (поэтому многих распускают по домам), не на что кормить и обмундировывать солдат. В такой обстановке С. Т. Греков подает прошение об отставке «за дряхлостью и за болезнями», а по свидетельству медицинской канцелярии и доктора фон дер Бейка, он стал «стар и дряхл... одержим головою болезнию и правою рукою... владеть не может, у него ж по всему телу скорбутные пятна, того ради, по мнению Военной коллегии, надлежит его... за старостию, дряхлостью и за болезнями, от воинской и статской служб отставить, а при отставке... наградить бригадирским рангом»¹³. Впрочем, хотя в послепетровское время и произошли некоторые послабления, но принципы государственной службы остались по-прежнему суровыми. Освидетельствование командных кадров проводилось в Военной коллегии перед специальной комиссией, причем с обязательным заключением врачей. Если офицер еще мог передвигаться, то его направляли служить на гражданских должностях¹⁴. В конце концов в данном случае так и произошло. 9 августа 1728 г. Степан Тимофеевич был уволен в отставку с пожалованием чина бригадира¹⁵, а уже 20 июня (или 8 сентября) 1729 г. назначен «для выбора недоимок» в Белгородскую губернию¹⁶.

Во время «затейки» верховников и кампании дворянских группировок с требованиями политических реформ С. Т. Греков подписал 5 февраля 1730 г. «Проект 364-х», или «Проект большинства», предусматривавший ликвидацию Верховного тайного совета и создание вместо него «Вышнего правительства» из 21 персоны и Сената из 11 членов, которые выбирались бы наряду с губернаторами и президентами коллегий особым дворянским собранием в составе не менее 100 человек¹⁷. По мнению историка Д. А. Корсакова, Степан Тимофеевич «занимал должность московского генерал-полицмейстера в январе и феврале 1730 г. и оставался в ней до конца 1732 г.»¹⁸. Впрочем, источники утверждают, что вышеупомянутый пост С. Т. Греков получил 5 марта 1731 г. вследствие указа императрицы Анны Ивановны и определения Сената от 17 февраля того же года¹⁹.

В 1729–1732 г., когда правительство находилось в Москве, должность генерал-полицмейстера была учреждена с переносом в старую столицу Главной полицмейстерской канцелярии. Теперь Степан Тимофеевич руководил организацией охраны порядка, розыском преступников, надзором за строительством и благоустройством, обеспечением паспортного режима, осуществлял следственные функции в городе. В следующем году императрице донесли о будто бы превышении им своих полномочий и запечатывании документов какой-то «княжеской печатью». Обстоятельные оправдания последнего перед московским генерал-губернатором С. А. Салтыковым, из которых следовало, что «...имеющуюся у него печать в бытность его в Польше получил тому лет с 20 и больше, и с того времени оною печатал он всякие домовые письма и конверты, не зная, что княжеская», не помогли²⁰. 22 декабря 1732 г. Анна Ивановна приказала «бригадира Степана Грекова... от... полицейских дел отставить»²¹, а 10 января 1733 г. подобрала ему преемника²².

Вскоре, в мае 1733 г., в Москве правительство учредило Доимочный приказ для взыскания недоимок, накопившихся с 1720 по 1732 г. в сумме 7 млн руб.²³ На должность главного судьи данного заведения «для правеха запущенных в губерниях доимок» и был призван 7-го (по другим источникам, 22 или 24) мая 1733 г. «прилежный человек» С. Т. Греков²⁴. Под его началом приказ рассматривал ведомости центральных и местных органов власти и управления о недоимках разных сборов (кроме подушного); выносил постановления об уплате требуемых сумм с откупщиков, подрядчиков, их наследников и поручителей, купечества, а также штрафов с должностных лиц; описывал движимое и недвижимое имущество должников и представлял отчеты в Сенат. 23 декабря 1735 г. состоялся указ Анны Ивановны и решение Кабинета министров о «соединении Доимочного приказа с Канцелярией конфискации и о бытии бригадиру Степану Грекову главным судьей означенной Канцелярии»²⁵. Основным предметом деятельности учреждения являлся контроль за описанием, продажей и управлением конфискованными («за винь», за недоимки, за неуплату штрафов) и выморочными именьями в стране²⁶. Помимо прочего, на Степана Тимофеевича возлагалась задача по взысканию штрафных денег за прием интендантами недоброкачественного обмундирования, сукна и прочих военных припасов для армии²⁷. Его фактический начальник П. И. Мусин-Пушкин оказался очень довольным служебными успехами нашего героя. Когда С. Т. Греков попал под следствие о подложной покупке собранных для продажи конфискованных «пожитков», то директор вышеупомянутой канцелярии взял его под защиту, «понеже подозрения никакого поныне ничего не явилось», и безрезультатно пытался апеллировать в Кабинет министров²⁸. 15 (или 18) апреля 1738 г. императрица Анна Ивановна «указала» С. Т. Грекова «от дел отставить»²⁹. Воспользовавшись обстоятельствами, он подает челобитную кабинет-министрам, в которой пишет, что живет «без жалованья, двора и деревни при С.-Петербурге не имеет и содержать себя не может, отчего пришел во всеконечную скудость и остается без всякого пропитания, а деревни имеет за Москвою, в Украине (в поместьях числилось 392 души мужского пола. – Е. Д.)...». Как и десять лет тому назад, Степан Тимофеевич напоминает о том, что «пришел в старость, и слабость, и болезни, и глазами худо видит, и у правой руки персты свело; и чтоб для излечения болезней и пропитания отпустить его в дом...». 10 октября того же года А. И. Остерман и А. П. Вольнский распорядились «об отпуске оног... на время»³⁰.

Уже 22 или 23 мая 1739 г. С. Т. Греков «определен для исправления по Московской губернии губернских дел товарищем» губернатора³¹ (а точнее, вице-губернатора³², поскольку должность начальника губернии в 1738–1740 и 1741–1753 гг. была вакантной³³). Он являлся непосредственным помощником главного руководителя губернской администрации, с которым разделял и ответственность, а значит, принимал активное участие в деятельности последнего. По-видимому, энергичный С. Т. Греков оказывал большое влияние на работу местного аппарата власти, вел себя смело и самостоятельно и продержался на посту до 1748 г. Более того, 9 марта 1741 г. «за долговременную его службу» он был пожалован в действительные статские советники³⁴.

Когда неожиданно обострилась социальная обстановка в Среднем Поволжье, императрица Елизавета Петровна обратила внимание на 69-летнего петровского ветерана и 22 февраля 1748 г. назначила его казанским губернатором³⁵. «Удачей или талантом» новой государыни, отмечает исследователь И. В. Курукин, «стало поистине гармоничное сочетание никогда не покидавшего ее „чувства власти“... с невмешательством в повседневную работу государственной машины. Последнее обеспечивало спокойное течение дел, в то же время исключая непредсказуемое воздействие некомпетентных лиц или слишком заинтересованных „партий“ на принятие решений»³⁶.

Следует сказать, что законодательство ограничивало компетенцию начальника губернии конкретными, практическими и повседневными государственными задачами. Он был обязан исполнять законы и распоряжения, исходящие от верховной власти, Сената и коллегий, охранять тишину и спокойствие на вверенной территории; ловить беглых крепостных, рекрутов, солдат и «всяких гуляющих и слоняющихся людей»; вести борьбу с разбоем; в его ведении находились местные тюрьмы. Обширны были полномочия губернатора в полицейских мероприятиях по охране от огня, чумы, по соблюдению чистоты на улицах и торгах и т. п., а также и в области суда и расправы. За ним сохранились и некоторые военные функции: комплектование армии, квартирование войск. На него возлагались сбор подушной подати и прочих прямых и косвенных налогов, выколачивание недоимок, распоряжения по дорожной, подворной, постоянной и прочим натуральным повинностям, которые тяглое население обязано было нести в пользу государства. Губернатор хранил собранные подати и сборы, часть которых выдавал на содержание войск и учреждений, а другую часть отсылал в центр³⁷.

Академик Ю. В. Готье писал: «...практический служебный опыт был главным и почти единственным способом подготовки начальников губерний... Получение губернаторского места наступало, обычно, тогда, когда опыт служебный бывал опытом долголетним и когда он подкреплялся опытом жизненным...»³⁸

Усердие и полная самоотдача помогали С. Т. Грекову справляться с многочисленными и весьма нелегкими обязанностями. Он обладал большой властью, получал значительное жалование, но и трудился как вол.

Между тем Казанский край уже два года не имел своего руководителя. В 1746 г., из-за разногласий с бригадиром И. Г. Бардекевичем (Бардукевичем), осуществлявшим вторую «ревизию душ» (перепись населения) на данной территории, и местными чиновниками, «по некоторому делу от присутствия отрешен» начальник губернии генерал-лейтенант А. Г. Загряжский³⁹. «Губернатор, с одной стороны, и... заведующий ревизией целой губернии, с другой, – были две особы, снабженные громадными полномочиями и ведавшие над собою только столичные власти. И тот и другой ревниво оберегали свой

престиж и подозрительно смотрели один на другого, следя, как бы кто-нибудь из них не преступил данных ему прав, и лоя друг друга на злоупотреблениях властью. ... Всякий временный экстренный агент был сам по себе „посланец государев“, который должен был следить за правильным ходом управления...»⁴⁰ – замечает Ю. В. Готье.

В крае сложился своеобразный триумvirат, которому принадлежала здесь вся полнота власти, в составе казанского губернаторского товарища полковника В. И. Мельгунова, казанского коменданта лейб-кампанца полковника И. И. Блохина и заведующего «ревизией душ» в Казанской губернии бригадира И. Г. Бардекевича⁴¹. Последний являлся старым петровским ветераном, участником основных баталий Северной войны 1700–1721 гг. и подавления «башкирского бунта» 1735–1740 гг.⁴² и, как старший по чину, чувствовал себя безнаказанно и занимался тем, что при помощи подчиненных ему офицеров вывозил в имение своей жены беглых и не записанных в подушный оклад крестьян, которых «открывал» во время переписи населения⁴³.

В обстановке многовластия достаточно самостоятельно действовали и церковные иерархи. Особую ревность в проведении массовой христианизации нерусских народов Среднего Поволжья проявил в эти годы местный владыка Лука (Конашевич). «Ни при каком другом епископе Казанском, кажется, не было обращено в христианство сколько иноверцев... и главная заслуга в этом деле должна быть приписана ему самому, его неутомимой и энергичной попечительности»⁴⁴, – писал известный богослов и историк Е. А. Малов. Но подобная политика озлобляла и возмущала инородцев.

В начале февраля 1748 г. в Казани были обнаружены «подметные» анонимные письма, составленные новокрещеными, предупреждающие власти о возможных выступлениях татарского населения против правительства. В них сообщалось о том, что «хотят татары на масленой (во время праздника Масленицы. – Е. Д.) бунтовать за Камою и в иных местах», «хотят воевать с головы зачать, в Казани всех до малого ребенка перерубить и, разделя добычу, по ногам и по рукам идти, то есть по уезду всех рубить», «а то будет от Татарской слободы, и тем погублением русских избудут крещенья и платежа несносного подати, и у татар ныне имеется на сие острой и крепкой промысел»⁴⁵. 9 февраля всполошившаяся губернская администрация сообщила о случившемся в Петербург. 21–22 февраля Сенат распорядился отправить «по определению Военной коллегии» к месту предполагаемого восстания Троицкий и Ревельский драгунские полки из команды оренбургского губернатора И. И. Неплюева и находящиеся в Саранске три драгунские роты под командованием майора Ганинберга (Гениберга). Все воинские подразделения поступали в распоряжение бригадира И. Г. Бардекевича. К 3 марта роты, сформированные из Ростовского, Азовского и Вятского полков, уже разместились в Татарской слободе губернского города. В Предкамье были расквартированы три роты Троицкого и две роты Ревельского полков. Только что назначенному казанскому губернатору С. Т. Грекову сенаторы вручили специальную инструкцию о принятии чрезвычайных мер по недопущению восстания в Среднем Поволжье. Степану Тимофеевичу надлежало «...ехать из Москвы в Казань... в самой крайней скорости и, не доезжая до Казани, секретно разведывать... нет ли от... татар... какой шатости и злого умысла... а самому стараться те деревни объехать и... поспешать к Казани и, приехав туда, следствие... производить в самой крайней скорости...» вместе с И. Г. Бардекевичем и «товарищами своим»⁴⁶. Для выяснения обстановки в близлежащие от губернского города инородческие деревни предписывалось посылать верных людей, «пущих зачинщиков» подготовки бунта переловить, письма их отобрать,

задержанных «расспрашивать» и пытать. В случае обнаружения доказательств связи бунтовщиков с башкирами, казаками и другими степными народами С. Т. Греков должен был «оповестить» о том оренбургского и сибирского губернаторов. Власти обязали за короткий срок отобрать у татар ружья, копья, бердыши, сайдаки и стрелы, порох и свинец. Несмотря на необходимость принятия жестких и решительных мер, местной администрации рекомендовалось жителей «без подозрения в караул не брать».

Грозное предупреждение Сената о немедленной отправке к месту службы не помешало Степану Тимофеевичу выехать лишь в ночь с 1 на 2 марта и прибыть в губернский город 10 марта 1748 г., причем «во время де проезда его от Москвы до Казани трактом о татарском бунте никакого ему слуха не происходило»⁴⁷. С приездом нового губернатора расследование обстоятельств, связанных с «подметными» письмами и подготовкой восстания, было ускорено. Все говорило о том, что, по-видимому, инородцы на самом деле готовились к вооруженному выступлению. Вряд ли такой опытный государственный муж, как С. Т. Греков, решился бы приписать себе и другим чиновникам славу по предотвращению бунта без достаточных к тому оснований. Самые тревожные вести пришли от жителей Закамья. Центрами подготовки мятежа оказались 18 деревень Казанского уезда Ногайской и Зюрейской дорог, связанные с казанскими слободскими татарами и татарами Кунгурского уезда. Основные требования недовольных своим положением людей заключались в отказе от чрезмерных налогов, рекрутских складок, поставок лошадей в армию за новокрещеных, лашманской повинности, а также религиозной политики епархиальных властей. После получения неблагоприятных известий казанский губернатор распорядился немедленно направить в татарские деревни Закамья Троицкий драгунский полк и расположить его по квартирам в селениях между Шешминском, Заинском и Кучуевом, а драгун Ревельского полка разместить в деревнях между Ногайской и Зюрейской дорогами, где, «учредя пикеты, стоять с надлежащею воинскою предосторожностию». Войска отобрали у местных инородцев «всякое ружье, копья, сайдаки со стрелами, бердыши, сабли, порох и свинец». Командиры полков получили предписание, чтобы солдаты «в татарских жилищах никаких обид, озлобления, разорения не чинили»⁴⁸.

Между тем расследование продолжалось своим чередом. В общей сложности к лицам, подозреваемым в подготовке к бунту, было причислено 19 человек. Допрашивали арестованных до тех пор, пока они не сознавались в преступлении или не умирали. Сенат всячески торопил и требовал в марте-апреле 1748 г., чтобы следствие «к окончанию приводимо было без продолжения и для того, ежели которые татары по показаниям еще не сысканы, оных к тому... немедленно сыскав, поступать во всем по посланным же указам непременно...»⁴⁹.

26 июля в губернском городе вновь появилось очередное, четвертое по счету, «подметное» письмо, в котором сообщалось о том, что бунтовщики сумели выехать из Казани после введения в Татарскую слободу воинских команд и осенью собираются вернуться, чтобы устроить здесь большой пожар и «колоть» христиан. Губернская администрация сразу же прибегла к тем же чрезвычайным мерам, что и после обнаружения первых «подметных» документов. Вскоре было установлено, что последняя анонимка адресовалась бригадиру И. Г. Бардекевичу и в ней говорилось о взимании будто бы С. Т. Грековым «с товарищами» взяток с татар при проведении следствия по делу о подготовке бунта. Таким образом, И. Г. Бардекевич организовал донос на губернатора, но и сам не избежал той же участи.

Осенью расследование о так называемом «движении татар 1748 года» подошло к концу. По «мнению» Степана Тимофеевича, зафиксированному в сенатских протоколах от 4 октября, «явного на них, татар, к бунту доказательства по следствию не оказалось». К этому времени три важных свидетеля уже скончались, некоторых обвиняемых наказали плетьюми, других арестованных освободили от ответственности⁵⁰.

В результате принятых властями энергичных мер антиправительственные выступления инородцев в Казанской губернии удалось предотвратить. Судя по донесениям, местные властные органы очень оперативно отреагировали на побуждающие к срочным действиям указы из Сената и распоряжения Военной коллегии, вошли в контакт друг с другом и подготовились подавить возможный бунт мусульман «в зародыше». В районах предполагаемых событий были сосредоточены довольно крупные военные силы. Когда опасность миновала, С. Т. Греков принял решение отправить воинские части в прежние места дислокации. Только в Татарской слободе службу продолжали нести 100 человек рядовых и унтер-офицеров Ревельского драгунского полка, так как в казанском гарнизоне солдат оказалось недостаточно и на караул ставили малолетних рекрутов. Итак, система губернской власти во главе с деятельным руководителем продемонстрировала свою эффективность на практике. Зреющее в инородческой среде восстание не состоялось из-за своевременных, грамотных и оперативных действий губернатора и военных⁵¹.

Последнее обстоятельство укрепило авторитет Степана Тимофеевича среди провинциального чиновничества и облегчило переход к единоличному управлению им Казанским краем. Прежний властный триумvirат распался. В. И. Мельгунов вернулся к исполнению обязанностей губернаторского товарища и отныне заседал в губернской канцелярии вместе с С. Т. Грековым, выполняя приказания главы администрации вплоть до его отставки⁵². Комендант И. И. Блохин руководил сначала местным гарнизоном, а впоследствии в чине генерал-майора до самой смерти являлся казанским вице-губернатором, оставив о себе добрую память у современников: они называли Блохина «защитником правосудия», рассказывали о том, что «...все жители казанские и того уезда со слезами о нем вспоминают, и не остается никого (кроме безчестных, коим при нем не удавалось умыслов своих в действо производить), кто бы об нем не сожалел. Всяк, кто бы какое дело в губернской канцелярии в бытность ево ни имел, получил по справедливости удовольствие не продолжительное»⁵³.

Что касается ревизора И. Г. Бардекевича, то он захотел сохранить принадлежавшую ему неформальную власть в регионе и использовал известную напряженность в крае в целях устранения нового начальника губернии. Для этого он организовал составление вышеупомянутого анонимного доноса, обнаруженного в Казани 26 июля 1748 г., в котором содержалось «поричание и ругательство губернатору Грекову по производимому следствию о подготовке татар к бунту». Однако Степан Тимофеевич оказался опытным следователем и скоро выяснил, что И. Г. Бардекевич склонял сотников Ногайской дороги дать ложные показания на главу Казанского края «с товарищи»: на «...присутствующих, на секретарей и прочих об обидах и взятках с них, татар, от рекрутских и лошадиных наборов и от подушного сбора, хотя и ничего не давали, неотменно показать...»⁵⁴. Бригадир обещал, что им «беды в том... не доставит, а станет писать в Сенат и следовать будет... как и о Загряском генерале следовал». Сенаторы отреагировали на донесение С. Т. Грекова указом о расследовании как сообщенных фактов, так и злоупотреблений самого И. Г. Бардекевича⁵⁵. Впрочем, найти подходящего человека на место

дознателя «непорядочных поступков» старого служаки Петровской эпохи и после петровского времени оказалось очень сложно. В 1748–1749 гг. правительство последовательно забраковало трех «обретающихся не у дел статских советников» в качестве кандидатов в председатели «Комиссии о казанском ревизоре Бардекевиче»⁵⁶. В конце концов Сенат предписал заняться щекотливым вопросом самому С. Т. Грекову, который успешно справился с возложенным на него поручением. Воспользовавшись ссорами и «несогласиями» соратников попавшего в переплет бригадира и перетянув на свою сторону одного из «переписчиков душ мужского пола» А. Жукова, губернатор разделался с опасным соперником. Обвиненный во взяточничестве и незаконном присвоении чужой собственности, И. Г. Бардекевич не смог оправдаться и умер под следствием⁵⁷.

Сложные отношения сложились у главы губернской администрации с руководителями местной епархии и Конторы новокрещенских дел. Казанский архиепископ Лука (Конашевич) приложил много усилий для полного утверждения православия в Поволжье. Архиерей очень ревностно занимался миссионерской деятельностью, причем направлял процесс весьма круто и напористо: запретил мусульманам строить мечети вблизи церквей и в местах более или менее компактного проживания православного населения, «воздвигнул храмы среди селений татарских», установил крестные ходы в инородческих слободах, распорядился насильно отбирать детей у татар, чувашей и черемисов и отдавать их учиться в новокрещенские школы, приказал уничтожить развалины древнего города Булгара. Чтобы хоть как-то успокоить инородцев, С. Т. Греков пытался договориться с владыкой, который «достигал просвещения христианством с истощением всех средств и собственными проповедями», а также строгими мерами против «магометан»⁵⁸. В 1749–1754 гг. архиепископ Лука с горечью писал в Синод и Сенат, что Степан Тимофеевич «по происку не желающих крещения иноверцев... знатно чрез получаемую от них мзду, для ненасытного лакомства» начал «чинить многия препятствия некрещеным... в удобность и к защищению их от Св. Крещения, приходящим и желающим ко Св. Крещению, в пресечение такового их богоугодного желания», задерживал выплату денег на содержание Новокрещенской конторы (вместо положенных 57,5 тыс. руб. губернская канцелярия перечислила в 1748 г. только 39,5 тыс. руб.), в результате чего «к пресечению и унятию происходимых от татар многих злодейств более здесь уже силы не имеем»⁵⁹. С другой стороны, вопреки обращениям представителей нерусских народов к правительству с жалобами на то, что они «от всех имевшихся в Казани разных канцелярий... пружестокко изнуряются» и «от епархиального архиерея утесняются», сенатские указы от 1 ноября 1750 г. и от 2 декабря 1752 г. подтверждали прежние узаконения «о ведении служилых мурз и татар по судебным и прочим делам» по-прежнему «в ведомстве губернаторов и воевод»⁶⁰.

После сильного пожара 3 мая 1749 г., начавшегося в 11 часов пополудни в Татарской слободе, от которого сама слобода, а также и другие части губернского города с храмами, монастырями, архиерейским домом, зданием духовной семинарии сгорели за очень короткое время, архиепископ добился в 1750–1754 гг. сенатского решения о выделении инородцам-погорельцам монастырских порожних земель для образования Новотатарской слободы на более отдаленном от городского центра месте, окруженном болотами. Поскольку из-за стихийного бедствия многие жители Казани остались без крова и «скитались без пристанища», высокопреосвященный Лука инициировал выселение всех татар из старой слободы и «поселение вместо них там русских

и новокрещеных», построив здесь церкви и дворы священнослужителей⁶¹. 17 мая 1749 г., по прошествии «всего полумесяца с того злополучного пожара в центре Татарской слободы», архиерей, по примеру царя Ивана Грозного, водрузил «крест с водосвятием». Хотя 22 сентября того же года Сенат велел казанским обывателям сооружать на прежних погорелых местах храмы и прочие строения, крещеным инородцам отвести территории под застройку поближе к русским слободам, но разрешил селиться здесь и мусульманам «в отдаленности от русских и новокрещенских жилищ». С таким мнением архиепископ Лука не согласился и в новых донесениях в Петербург попытался обосновать правильность своей точки зрения, считая, что пожар – это «Божие очищение», «а от татар в Казани происходит одно только плутовство и убийство». 8 ноября 1749 г. он организовал в Старотатарской слободе крестный ход с крестами, иконами и хоругвями, «со звоном всех оставшихся церквей». Архиепископ проигнорировал предписание губернской администрации от 29 октября 1751 г. не выселять мусульман из слободы и разрушил строящуюся там мечеть⁶².

Значительное внимание местные власти уделяли деятельности новокрещенских школ, предназначенных для обучения представителей нерусских народов Поволжья и Приуралья и подготовки кадров православного духовенства, знающих языки и обычаи своих прихожан. В 1750 г. такие учебные заведения открылись в Казани (при Федоровском монастыре), Царевококшайске и Елабуге, в 1754 г. по инициативе архиерея они были объединены в одну Казанскую новокрещенскую школу, для которой возвели комплекс зданий у церкви Захарии и Елизаветы в Старотатарской слободе⁶³.

Главным результатом крещения инородческого населения в Казанском крае в этот период стал массовое принятие православия мордвой, мари́йцами и чувашами. С 1748 г. здесь в среднем крестилось более 16 тысяч человек в год⁶⁴. По сведениям Новокрещенской конторы, в 1748 г. в регионе крещение приняли 38 140, а в 1749 г. – 27 003 жителей. По состоянию на 1756 г., «по присланным из губерний и провинций рапортам», принявших православную веру инородцев насчитывалось 269 213 душ⁶⁵. Согласно указу Сената от 23 августа 1756 г., соотношение крещеных и некрещеных татар в Казанской провинции было следующим: «ясачных крещеных 1616, некрещеных 35 005, в Казанской адмиралтейской конторе состоящих в корабельной работе крещеных 1766, некрещеных 63 908»⁶⁶. По данным В. М. Кабузана, в 1750 г. в Казанской губернии насчитывалось крещеных 168 782 души (в том числе татар 3451, в 1755 г. – 3670), а некрещеных 129 087 душ (из них татар 108 680)⁶⁷. Прямым следствием событий 1748 г. стало снижение количества крещеных татар в Казанском уезде и резкое увеличение их числа в Свияжском. Теперь центр просветительской деятельности миссионеров переместился в этот уезд, который по количеству крестившегося татарского населения в 1749–1751 гг. занимал первое место в Поволжье⁶⁸.

Так, рука об руку, сотрудничая и конфликтуя, работали ради общего дела губернатор С. Т. Греков и архиепископ Лука (Конашевич). Крутые меры последнего в отношении иноверцев «едва не вызвали среди инородческого населения края серьезного возбуждения умов», и потому правительство было вынуждено перевести его в 1755 г. в одну из епархий на западе России. После этого многие «стеснительные и исполненные религиозной нетерпимости распоряжения» бывшего казанского иерарха перестали выполняться. Однако, когда вскоре в Закамье вспыхнуло очередное башкирское восстание, немало поволжских татар примкнуло к «бунтовщикам»⁶⁹.

В период губернаторства С. Т. Грекова Поволжье охватила волна разбоев и бандитизма. Из-за фактической отмены смертной казни в стране в период царствования Елизаветы Петровны преступники перестали бояться карающей десницы закона. За тяжкие преступления разбойников ожидала ссылка в Сибирь, откуда они часто бежали и продолжали орудовать на дорогах и судоходных реках России. Их примеру стали следовать и крепостные крестьяне, начавшие расправы с неудобными помещиками и управляющими имениями. Некоторые шайки приобрели такой опыт и столь значительную численность, что безбоязненно принимали бой с правительственными отрядами. Настоящее сражение между военными силами, собранными по приказу губернской канцелярии, и разбойниками состоялось в 1755 г. недалеко от Чебоксар. Суды и полиция не справлялись с разгулом насилия. Требовались новые, экстраординарные меры. И их, казалось, удалось найти: к судьям, прокурорам и полицмейстерам добавили еще одно карательное звено государственной машины, так называемых главных сыщиков, занимавшихся поимкой воров и разбойников. Сыщиков набирали из отставных старших офицеров, имевших за плечами значительный боевой опыт. Им придавались хорошо экипированные пешие и конные воинские команды, которые и осуществляли истребление преступных шайк и отдельных бандитов⁷⁰. В тот же период (ноябрь 1749 г.) состоялся сенатский указ, требовавший от губернаторов усилить контроль за производством следственных действий со стороны подчиненных им воеводских и провинциальных канцелярий⁷¹.

Согласно «Ведомости по 2-й ревизии, учиненной стараниями ревизоров во всех губерниях», в 1749 г. в Казанской губернии проживало 1 085 104 души мужского пола (т. е. свыше двух миллионов человек), причем в Казани насчитывалось 4722 мужские души (или около десяти тысяч жителей)⁷². К 1750 г. за Казанской губернской канцелярией числилось 251,5 тыс. руб. одних только недоимок⁷³.

При С. Т. Грекове в Казани произошло два страшных пожара. Первый из них, упомянутый выше, начался 3 мая 1749 г. в Татарской слободе и из-за сильного ветра быстро охватил городские постройки. Огонь истребил или повредил в кремле Благовещенский кафедральный собор, с колокольни которого попадали колокола, Спасо-Преображенский монастырь, архиерейский, губернаторский и комендантский дома, губернскую канцелярию с архивом, артиллерийский арсенал, а также церковь в Спасской башне; вне кремля выгорел весь город от центра до Булака с одной стороны и до р. Казанки – с другой, где сгорели церкви, дома и слободы, мосты и мостовые; пострадала часть Забулачной стороны; погорели суда, плоты и лесные склады на речном берегу; погибло множество горожан⁷⁴. Другой пожар произошел 12 июля 1752 г. при «ветре и вихре превеликом». Тогда сгорели три храма, духовная семинария, 900 «обывательских» домов, полковой двор, гарнизонная школа, суконная фабрика с припасами, два кожевенных завода⁷⁵. По мнению историка Е. В. Анисимова, способы, которыми в XVIII столетии тушили пожары, оказались неэффективными. Обычно пожарные и воинские команды и окрестные жители, вооружившись баграми и топорами, быстро раскатывали соседние с горящими постройки и не позволяли огню перекинуться на них. Но когда полыхают сотни или тысячи домов, когда горящие головни летят на соседние кварталы, когда улицы превращаются в чудовищные топки и возникшая при этом тяга увлекает в них нерасторопных людей, когда гул и треск огня так громок, что нельзя слышать голос стоящего рядом человека, обычные способы тушения бессильны. Нужно выждать, когда пламя пожрет все, что может, и утихнет⁷⁶.

Как старательный, честный и деятельный служака, Степан Тимофеевич возглавил восстановление города из руин. Казань довольно скоро вновь отстроилась, увеличилось количество сооружений, возведенных из камня и кирпича. Здесь очень кстати подоспел сенатский указ от 1 сентября 1749 г., регламентирующий строительство «...в губернских городах для жилья губернаторам с их фамилиями 8 покоев, в том числе... зал... Губернаторской канцелярии... и для подушного сбора чтоб быть конторе... 8 покоев, да один архив... для содержания колодников острог... и в те губернаторские... дворы и канцелярии... никакого украшения... не употреблять»⁷⁷. После пожаров в губернском центре появилась Новотатарская слобода, поднялись кирпичные стены зданий суконной мануфактуры⁷⁸.

При содействии С. Т. Грекова в 22 км к востоку от села Богатые Сабы в 1749 г. был основан Мешинский (Ныртинский) медеплавильный завод⁷⁹.

В 1754 г. губернатор участвовал в реализации решений правительства об организации почтового сообщения между Москвой, Нижним Новгородом, Казанью, Кунгуром, Екатеринбургом и Тобольском⁸⁰, а также об отмене внутри страны таможенных пошлин. В последнем случае ликвидация таможенных барьеров приводила к развитию всероссийского рынка. Сенатский указ от 5 января того же года предписывал Степану Тимофеевичу иметь «...крепкое смотрение, дабы никто с проезжающих чрез мосты и перевозы, и прорубного отнюдь ничего не брали, ибо оные сборы... уже отставлены», и «чтоб... в уездах большие проезжие дороги и гати были в добром порядке и исправности, чтоб проезжающим задержания и остановки отнюдь не было»⁸¹.

Центральные власти казались довольными распорядительностью Степана Тимофеевича, и он 13 мая 1754 г. получил чин тайного советника⁸².

Между тем в Башкирии в середине 1750-х гг. вспыхнуло антиправительственное восстание Батырши, охватившее территорию Ногайской и Осинской даруг (особых административных единиц в Уфимском уезде). В связи с этим событием было принято решение заменить одряхлевшего ветерана на более молодого губернатора. 28 августа 1755 г. 76-летний С. Т. Греков «за старостию и болезнию» оказался «от дел уволен»⁸³.

Получив заслуженную отставку, Степан Тимофеевич последние годы провел в Московской губернии. В 1758 г. он умер или в Ростове Великом, или в одном из своих имений в Московском уезде⁸⁴.

Таким образом, С. Т. Греков прошел долгий и славный жизненный путь от младшего офицера петровской армии «нового строя» до видного представителя «второго эшелона» власти в эпоху Елизаветы Петровны. Как и многие из его современников, он честно и усердно служил России на военном и гражданском поприщах, оставив свой след в истории Отечества.

¹ Савелов А. М. Родословные записи. М., 1908. Вып. 2. С. 257.

² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1728 г. СПб., 1893. Т. 6 : июль – декабрь 1728 г. (Сб. РИО ; т. 84). С. 286–287; Курукин П. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года : события, люди, документы. М., 2010. С. 237.

³ Серов Д. О. Строители империи : очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 227.

⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением

- служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 101; *Савелов А. М.* Родословные записи. С. 259; *Чернопятов В. П.* Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1909. Т. 3 (12). Ч. 6. С. 133–134; *Ельчанинов П. Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. 4. С. 24–26.
- ⁵ *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. 2-е изд. Пг., 1918. С. 33–34.
- ⁶ *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. М., 2002. С. 196.
- ⁷ РГАДА. Ф. 286. Кн. 212. Л. 935; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия : сб. документов / сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 1603.
- ⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1728 г. Т. 6 : июль – декабрь 1728 г. С. 287.
- ⁹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 2. С. 1603–1604.
- ¹⁰ *Серов Д. О.* Строители империи. С. 227.
- ¹¹ Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 36; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. СПб., 1887. Т. 2 : август – декабрь 1726 г. (Сб. РИО ; т. 56). С. 393; *Серов Д. О.* Строители империи. С. 227.
- ¹² *Чернопятов В. П.* Дворянское сословие Тульской губернии. С. 134.
- ¹³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1728 г. Т. 6 : июль – декабрь 1728 г. С. 287.
- ¹⁴ *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. С. 196–197.
- ¹⁵ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. СПб., 1875. С. 164; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1728 г. СПб., 1891. Т. 5 : январь – июнь 1728 г. (Сб. РИО ; т. 79). С. 546; 1893. Т. 6 : июль – декабрь 1728 г. С. 286; Список военным чином 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 2. С. 640.
- ¹⁶ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1729 и 1730. СПб., 1898. Т. 8 : июль – декабрь 1729 г. и январь – март 1730 г. (Сб. РИО ; т. 101). С. 159, 161, 162.
- ¹⁷ *Логинов М. Н.* Русский генералитет в начале 1730 года : (по списку П. Ф. Кораблева) // Оснадцатый век : исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. М., 1869. Кн. 3. С. 167, 172; *Корсаков Д. А.* Воцарение Анны Иоанновны : исторический этюд. Казань, 1880. С. 21, 27; *Курукин П. В., Глоттиков А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года : события, люди, документы. С. 209.
- ¹⁸ *Корсаков Д. А.* Воцарение Анны Иоанновны. С. 205.
- ¹⁹ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1882. Т. 3. С. 432, 444; Список военным чином 1-й половины 18-го столетия. С. 640; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1903. Т. 11. С. 121–122; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве / под ред. И. А. Блинова. СПб., 1910. Отд. 1. Т. 2. С. 37; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи : энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 398.
- ²⁰ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. Юрьев, 1898. Т. 1 : 1731–1732 гг. (Сб. РИО ; т. 104). С. 549.
- ²¹ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 292; Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического словаря» // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 62. С. 636; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Т. 1 : 1731–1732 гг. С. 531, 532.
- ²² Список военным чином 1-й половины 18-го столетия. С. 640; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Юрьев, 1899. Т. 2 : 1733 г. (Сб. РИО ; т. 106). С. 23.
- ²³ *Павленко Н. П.* Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002. С. 184.
- ²⁴ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 9. С. 73–74. № 6358; С. 137–141. № 6412; Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 308; *Корсаков Д. А.* Воцарение Анны Иоанновны. С. 205; Бумаги Кабинета министров

- императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Т. 2 : 1733 г. С. 203; *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 176–177; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. С. 26.
- ²⁵ ПСЗ. Т. 9. С. 659–660. № 6849; Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 393; *Корсаков Д. А.* Воцарение Анны Иоанновны. С. 205; Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 640; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Юрьев, 1902. Т. 5 : 1736 г. (Сб. РИО ; т. 114). С. 26; *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. С. 178.
- ²⁶ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1884. Т. 4. С. 89; *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. С. 179–180.
- ²⁷ Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве / под ред. И. А. Блинова. Пг., 1915. Отд. 1. Т. 3. Ч. 1. С. 792, 881.
- ²⁸ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 530; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Юрьев, 1905. Т. 7 : 1738 г., январь – июнь. (Сб. РИО ; т. 120). С. 142–143.
- ²⁹ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 537; Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 640; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Т. 7 : 1738 г., январь – июнь. С. 311.
- ³⁰ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 2 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 562; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740. Юрьев, 1906. Т. 8 : 1738 г., июль – декабрь. (Сб. РИО ; т. 124). С. 318; *Холмогоров В. П., Холмогоров Г. П.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. М., 1913. Вып. 11. С. 327.
- ³¹ Журналы и определения Правительствующего Сената за 1741 год // Сенатский архив. СПб., 1890. Т. 3. С. 77.
- ³² *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. С. 26.
- ³³ Губернии Российской империи : история и руководители, 1708–1917. М., 2003. С. 177.
- ³⁴ Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 3 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. СПб., 1878. С. 39; Журналы и определения Правительствующего Сената за 1741 год. С. 77; Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 640.
- ³⁵ *Пунарев А. Г.* Казанские губернаторы. Казань, 1856. С. 6; Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов. Т. 3 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 204; Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1884. Т. 4. С. 253; СПб., 1895. Т. 7. С. 420; *Корсакова В. А.* Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанской губернией с 1708 года по 1908 г. включительно. Казань, 1908. С. 15; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1916. Т. 28. С. 596.
- ³⁶ *Курукин И. В.* Опыт административной истории России «эпохи дворцовых переворотов» // Архив русской истории : сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 210–211.
- ³⁷ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России : научно-педагогические труды. 5-е изд., доп. М., 2008. С. 123–124.
- ³⁸ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. С. 212.

- ³⁹ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 300, 382.
- ⁴⁰ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 90.
- ⁴¹ *Долгов Е. Б.*: 1) «Птенцы гнезда Петрова» во главе Казанской губернии // ТГЭ. [Т.] 78: Петровское время в лицах – 2015 : материалы науч. конф. СПб., 2015. С. 164, 165, 170; 2) «В трудах державства и войны» : казанские губернаторы Петровской и послепетровской эпохи // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 120.
- ⁴² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия : сб. документов / сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 1834–1836.
- ⁴³ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. С. 90.
- ⁴⁴ *Малов Е. А.* О Новокрещенской конторе : речь, произнесенная на торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1878 года. Казань, 1878. С. 166.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 342.1. Л. 55–57 об.
- ⁴⁶ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 258.
- ⁴⁷ Там же. С. 290.
- ⁴⁸ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 3. С. 846–848.
- ⁴⁹ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 304, 307, 311–312.
- ⁵⁰ Там же. С. 405.
- ⁵¹ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 257–260, 263, 273–274, 290–291, 308, 311, 391–392; *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. С. 846–848; История Казани. Казань, 1988. Кн. 1. С. 131–132; *Ислаев Ф. Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия : от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С. 136–151; *Мустафина Д. Г.* Бунт татар-мусульман в 1748 г. : несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 2. С. 159–175; 2009. № 1. С. 112–130.
- ⁵² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 13. С. 376–384. № 9817; С. 472. № 9877; Т. 14. С. 190. № 10268.
- ⁵³ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 299–300; Журнал миссии капитан-поручика И. И. Кропотова, отправленного в Пекин курьером. 19 октября 1762 г. – 10 июня 1764 г. // Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. М., 2011. Т. 6. С. 268.
- ⁵⁴ Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 1. С. 391–392.
- ⁵⁵ Там же. С. 392, 394, 398, 634.
- ⁵⁶ Там же. С. 392, 394–395, 398, 634, 662.
- ⁵⁷ *Готье Ю. В.*: 1) Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке : из сборника статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 109, 112, 145; 2) Из истории областного управления XVIII века. Постоянные учреждения и особые поручения. Казань, Б. г. С. 7; 3) История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 52, 54, 55, 90.
- ⁵⁸ *Баженев Н. К.* Казанская история. Казань, 1847. Ч. 2. С. 68–69; *Пинегин М. Н.* Казань в ее прошлом и настоящем : очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений, с 8-ю видами города. СПб., 1890. С. 147–148; Спутник по Казани : иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1895. С. 261–262; *Казанский М. В.* Путеводитель по Казани. Казань, 1899. С. 58–59.
- ⁵⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1911. Т. 23. С. 492; СПб., 1913. Т. 29. С. 446–452; СПб., 1909. Т. 31. С. 326–328.
- ⁶⁰ ПСЗ. Т. 13. С. 368–370. № 9814; С. 736–737. № 10052; Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 4. С. 272.
- ⁶¹ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 4. С. 272; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 29. С. 335–342.
- ⁶² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 29. С. 335–342.

- ⁶³ *Пинегин М. Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. С. 148; *Спутник по Казани.* С. 255–256; *Харламович К. В.* Казанские новокрещенские школы // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1905. Т. 21. Вып. 1. С. 32; *Залеский В. Ф.* Из истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII столетии. Казань, 1911. С. 10, 11, 15, 16; *История Казани.* Кн. 1. С. 340.
- ⁶⁴ *Малов Е. А.* О Новокрещенской конторе. С. 217–218.
- ⁶⁵ ПСЗ. Т. 14. С. 693–694. № 10666; *Прокопьев К. К.* истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII веке // Симбирские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 45–52; № 6. С. 150–159.
- ⁶⁶ ПСЗ. Т. 14. С. 610. № 10597.
- ⁶⁷ *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 26–27.
- ⁶⁸ *Ислаев Ф. Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия. С. 149–150.
- ⁶⁹ *Баженов Н. К.* Казанская история. Ч. 2. С. 68–69; *Спутник по Казани.* С. 261–262; *Казанский М. В.* Путеводитель по Казани. С. 59; *Прокопьев К. К.* истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII веке // Симбирские епархиальные ведомости. 1905. № 6. С. 154.
- ⁷⁰ *Макаров И. А.* Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород, 2005. (Нижегородские были). С. 68–69.
- ⁷¹ ПСЗ. Т. 13. С. 151–152. № 9685.
- ⁷² Ведомость по 2-й ревизии, учиненная стараниями ревизоров во всех губерниях, от 1749 года // ОРРК НБ К(П)ФУ. № 771. Л. 13–14 об.
- ⁷³ *История Татарской АССР : (С древнейших времен до наших дней).* Казань, 1968. С. 137.
- ⁷⁴ О знатнейших в Казани пожарах // Казанские известия. 1815. 29 сентября. № 78. С. 438–439; *Баженов Н. К.* Казанская история. Ч. 2. С. 71–72; *Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 годы.* Казань, 1862. С. 22; *Спутник по Казани.* С. 475–476.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 718. Л. 1–2.
- ⁷⁶ *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. С. 226.
- ⁷⁷ ПСЗ. Т. 13. С. 122–124. № 9662.
- ⁷⁸ *Казанский М. В.* Путеводитель по Казани. С. 75.
- ⁷⁹ *История Татарской АССР.* С. 702.
- ⁸⁰ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 4. С. 310.
- ⁸¹ ПСЗ. Т. 14. С. 2–4. № 10170.
- ⁸² РГАДА. Ф. 286. Кн. 419. Л. 223; *Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов.* Т. 3 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 290; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 264.
- ⁸³ *Архив Правительствующего Сената / сост. П. И. Баранов.* Т. 3 : Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 1725–1740. С. 309; *Протоколы Правительствующего Сената // Сенатский архив.* СПб., 1901. Т. 9. С. 413.
- ⁸⁴ *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. С. 134; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. С. 26.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА С. Т. ГРЕКОВА ОТ 27 ЯНВАРЯ 1721 ГОДА

[...] До семьсотого году служил я Его Царскому Величеству в житье, и из житья взят в семьсотом году в солдаты в генеральство господина генерала Автомона Михайловича Головина, и был в ученье [...], и из солдатства по разбору господина генерала Автомона Михайловича Головина написан в его же генеральство в прапорщики в полк полковника Ильи Бильса, и был при оном полку в семьсотом году при атаке и при батални

Нарвской. И в 701-м году был при Каканаусе и под Ригою в команде его сиятельства господина генерала и кавалера князя Никиты Ивановича Репнина. И в 702-м году был при атаке Шлиссельбурга, и по взятю оногo гварнизона (гарнизона. – *Е. Д.*) оставлены при Шлиссельбурге именным Его Величества указом, и написан в полк полковника Томаса Юнгера и пожалован в поручики указом господина генерала-фельдмаршала и кавалера Бориса Петровича Шереметева. И в 703-м году был при атаке Канец. И в 707-м году был при атаке Выборга, и повторне в 709-м году при атаке и при взятъе Выборгском был же, и пожалован в оном же году в капитаны в Ингерманландский пехотный полк чрез его светлость господина генерала-фельдмаршала и кавалера светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. И при оном полку служил капитаном, и был под Прутом на Турецкой акции, и пожалован в майоры чрез господина генерала-фельдмаршала и кавалера Бориса Петровича Шереметева. И в 712-м и в 713-м годах был в Померании в команде его светлости господина генерала-фельдмаршала и кавалера князя Александр Даниловича Меншикова, и при атаках и при взятъе гварнизонов, как Теннинга, так и Штеттина, был же. И в 714-м году был в походе на море в команде его сиятельства господина генерала-адмирала и кавалера Федора Матвеевича Апраксина, и при взятъе шведского фрегата и галер (в Гангутском морском сражении. – *Е. Д.*). И в 715-м, и в 716-м, и 717-м, и в 718-м годах был на море ж в походе и в партиях в команде его сиятельства господина генерала и кавалера князя Михайлы Михайловича Голицына. И в 719-м году был на Стекгольмской (Стокгольмской. – *Е. Д.*) стороне и на сухом пути оногo берега в команде его ж сиятельства господина генерала-адмирала и кавалера Федора Матвеевича Апраксина, и при местечках оногo берега в партиях на оном же берегу был в команде его сиятельства господина генерала и кавалера князя Михайлы Михайловича Голицына, в партии при местечке Наркопинге был, и особливо в партиях на Стекгольмской стороне командрован был же.

А поместья и вотчин за мною в разных городах по писцовым книгам в Капшинском уезде двенадцать дворов, в Епифанском уезде два двора, в Дмитровском уезде три двора, в Белозерском уезде двенадцать дворов, всего двадцать девять дворов. [...]

РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 167–167 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВ И ГЕНЕРАЛИТЕТА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ II ОТ 14 МАЯ 1728 ГОДА

[...] В Военной коллегии [...] Греков сказкою объявил от роду себе 48 лет, наперед сего служил он по жилаецкому списку, а в 1700-м году написан в прапорщики, потом произведен от генералитета в поручики, в капитаны, в майоры, в подполковники, а в 1726 году мая 24-го дня [...] в полковники и, служба, был во многих воинских походах и потребах, при атаках и баталиях. [...]

Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 287